

УДК 94(571.151)

ББК 63.3(2Рос-4Алт-6Г)

**Образ Горного Алтая по материалам обследований
региона конца XIX — начала XX в.***

К.Е. Стрелец, Д.С. Бобров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**The Image of the Altai Mountains on the Materials of Region
Research in the End of the 19th — Early 20th Centuries**

K.E. Strelets, D.S. Bobrov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Публикация представляет собой опыт реконструкции историко-географического образа Горного Алтая на основе материалов статистических и землеустроительных экспедиций конца XIX — начала XX в. Авторы использовали итоговые документы обследований региона в качестве самостоятельного исторического источника, соединяющего в себе черты делопроизводства и источников личного происхождения. Среди факторов тенденциозности исследуемых материалов выделяются наличие ведомственных заказов и рассмотрение исторических явлений и процессов через призму землеустройства в юго-восточных предгорьях Алтая. Обосновывается стремление руководителей экспедиций сформировать устойчивое представление о самостоятельном отказе автохтонов от кочевого образа жизни и переходе к оседлости. Подробно анализируются параметры формирования историко-географического образа региона: история освоения пространства, описание его физико-географических параметров, характеристика коренного населения. Их последовательное раскрытие позволило авторам установить по многим позициям совпадение данных, содержащихся в разных отчетах.

Ключевые слова: историко-географический образ, экспедиции, землеустройство, С.П. Швецов, Алтайский округ, Горный Алтай.

DOI 10.14258/izvasu(2016)4-24

К рубежу XIX–XX столетий Алтайский округ, оставаясь ведомственным административно-хозяйственным образованием, подчиненным Кабинету его императорского величества (далее — Кабинету), включал в себя районы, обладавшие яркой физико-географической, этнической, поли-

The publication attempts to reconstruct historical and geographical image of the Altai Mountains using materials of statistical and land surveying expeditions of the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. The authors used the region survey final documents as an independent primary source combining features of record management and private origin sources. Among the tendentious factors of the studied materials there can be underlined the presence of ministerial orders and the analysis of historical events and processes in terms of land organization in south-east foothills of Altai. The article stresses the aim of the expedition leaders to form a stable idea about voluntary refusal of indigenous dwellers of from the nomadism and their transition to the settled way of life. The authors analyze characteristics of historical and geographical image, such as land reclamation history, description of its physical and geographic parameters and indigenous population. The sequential analysis allowed the authors to trace the date match occurring in different records.

Key words: historical and geographical image, expeditions, land surveying, S.P. Shvetsov, Altai district, Altai Mountains.

тико-правовой самобытностью. Одной из таких областей являлся Горный Алтай, располагавшийся в юго-восточной предгорной зоне округа. На протяжении длительного времени после вхождения в состав Российской империи юго-восточные предгорья Верхнего Обь-Иртышья оставались в состоянии

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Алтайского края в рамках реализации научного проекта № 15-11-22005а(р).

«консервации»: центральная власть и местная администрация не проводили в отношении данной территории каких-либо масштабных преобразований, сохранив функции непосредственного управления регионом за зайсанами.

Ситуация кардинальным образом изменилась на рубеже XIX–XX вв., что было вызвано в первую очередь возрастанием масштабов переселенческого движения в Алтайский округ. В административном дискурсе сформировалось устойчивое представление о том, что ввиду малоземелья крестьян Европейской России «нерационально оставлять большие пространства земель в распоряжении сравнительно незначительному числу кочевых калмык, которым эти земли ... совершенно не нужны» [1, л. 1]. В соответствии с такой позицией властных структур переселению крестьян на Алтай должно было предшествовать решение проблемы землеустройства аборигенного населения. Однако в процессе разработки программы по реализации этой идеи столкнулись интересы не только коренных жителей и новоселов из других губерний России, но и двух ведомств: Переселенческого управления — учреждения, образованного в составе Министерства внутренних дел, а затем вошедшего в структуру Главного управления землеустройства и земледелия, и Кабинета. Одним из путей снятия межведомственных противоречий стали экспедиционные исследования, организованные обеими сторонами.

За короткий срок в горные районы Алтайского округа были командированы три крупные экспедиции: в 1897 г. под руководством С.П. Швецова, в 1908 г. — чиновников Переселенческого комитета, в 1910 г. — вновь назначенного начальника Алтайского округа В.П. Михайлова. Кроме того, информационная картина состояния региона дополнялась докладными записками служащих Алтайского округа и сотрудников землеустроительных партий: И. Быкова (Верхне-Кумандинская волость), А. Вознесенского (Нижне-Кумандинская волость), производителей работ Н.И. Давидовича (район Телецкого озера и реки Чулышман), Л.М. Березовского (район с. Кош-Агач и Второй Чуйской волости), А.А. Лапина (территория по рекам Ясатер и Укок).

Обозначенные отчеты и результаты экспедиционных обследований следует считать самостоятельным историческим источником, соединяющим в себе элементы делопроизводства и источников личного происхождения (в частности, путевых записок). Документы содержат богатейшие сведения по физической географии региона (описание рельефа, климатических особенностей, гидрографии, состояния почв), истории освоения, статистические данные о населении, экономических заняти-

ях и промыслах, характеристику инфраструктуры юго-восточных предгорий Алтая.

Отдельные материалы экспедиций ранее уже привлекались исследователями при реконструкции социально-экономических процессов в Горном Алтае [2; 3], а также при рассмотрении землеустроительной политики Кабинета [4; 5, с. 15–20]. В гораздо меньшей степени реализован эвристический потенциал источников в отношении воссоздания многомерного феномена историко-географического образа юго-восточных предгорий Алтая [6, с. 59–60].

В связи с этим целью настоящего исследования явилась реконструкция историко-географического образа Горного Алтая, зафиксированного в материалах экспедиционных обследований конца XIX — начала XX в. Категория «историко-географический образ региона» представляет собой конструкт, вбирающий в себя широкий спектр разнородных характеристик пространства: природно-климатические особенности территории, этнические и социальные параметры населения, описание его быта и нравов [7, с. 93].

Организации исследований юго-восточных предгорий Алтая предшествовали конкретные ведомственные заказы, исполнение которых определило не только структуру анализируемых документов, но и в определенной степени их содержание. Главной задачей экспедиций являлось определение количества и качества земельных наделов, численности населения, уровня его развития. Эти ключевые вопросы определили логику проведенных обследований территорий, где основное внимание было сконцентрировано на географической и социально-экономической характеристике изучаемых районов.

Одной из важных составляющих в описании Горного Алтая в отчетах и донесениях являлась история его присоединения к Российской империи и освоения. Прошлое региона интересовало чиновников не столько с гносеологической позиции, сколько с практической, так как оно могло выступить своеобразным инструментом легализации права собственности на землю.

Составители обозрения «Горный Алтай и его население...», желая восстановить историю присоединения региона, обращались к записке, составленной Н.С. Гуляевым для главного начальника Алтайского округа [8, с. 132]. При изложении истории Горного Алтая акцент делался на описании ранее существовавшего здесь Джунгарского ханства и джунгаро-китайском конфликте 1755–1758 гг. С.П. Швецов подчеркивал, что вхождение алтайских племен в состав России являлось их добровольным и самостоятельным решением. Более того, для них оно стало единственным шансом на спа-

сение от агрессивных действий Китайской империи [8, с. 134].

С иных позиций история присоединения региона была представлена в отчете экспедиции 1908 г. Исходной точкой ретроспективы был выбран 1747 г., когда «Кольвано-Воскресенские заводы были записаны на Государево имя и этим было положено начало теперешнему Алтайскому округу» [1, л. 113 об.], за границами которого «лежала малообитаемая горная страна, по-видимому, никому не принадлежащая». Ограничившись упоминанием о Джунгарии и ее поражении, составители отчета указали, что в 1755–1756 г. часть беглецов из этой страны «была принята в русское подданство, и им было разрешено кочевать около пограничных укреплений», а когда «улеглись преследования, они стали подвигаться к югу от крепостей и постепенно заняли современный Горный Алтай» [8, с. 135].

На основании подобной трактовки истории Алтая участники экспедиции 1908 г. сделали вывод о том, что «калмыки, которые обитают в настоящее время по берегам Катуня, а также в верховьях Чарыша и Ануя, являются потомками тех беглецов уничтоженного Джунгарского ханства, которым было лишь разрешено кочевать на пустопорожних землях, но которые по отношению к этим землям являются такими же чужими людьми, как и русские, начавшие появляться здесь около того же времени» [1, л. 113 об.].

Говоря о русской крестьянской колонизации региона, авторы указывали, что «во второй половине XIX столетия открылись еще два пути, так сказать, легального проникновения в Горный Алтай — это приселение к миссионерским селениям и поселение на образованных в 1878 г. переселенческих участках» [1, л. 115]. Факты проникновения русских на Алтай ранее XIX в. признавались незаконными, так как нарушали запрет верховной власти на создание поселений за Бийской линией. В более поздний период освоение территории русскими, по мнению участников экспедиции, приобрело легальный характер. Подобная трактовка являлась весомым аргументом в пользу проведения уравнительного распределения земли между русскими и инородческими хозяйствами, подрывая монопольное право инородцев на владение Горным Алтаем, законодательно закрепленное Уставом 1822 г.

Важное место в создании образа региона занимала характеристика территории. В анализируемых отчетах 1897, 1908, 1910 гг. просматривалось стремление к целостно-рациональному, научному описанию Горного Алтая, для которого характерно указание на конкретную физико-географическую и административно-территориальную локализацию «инородческого района», его гидро-

ниму. Яркие образные описания природы Алтая, свойственные научным трудам и периодике XIX — начала XX в. [9, с. 174–175], в отчетах практически отсутствовали.

При составлении описания региона С.П. Швецов оперировал не только данными, полученными в ходе собственной экспедиции, но и активно обращался к работам более ранних исследователей Алтая: Г.П. Гельмерсена, А.А. Бунге, В.В. Сапожникова, П.П. Семенова, Г.Н. Потанина. Представленные в отчете материалы подталкивали читателя к мысли о малоизученности региона, в частности, его пограничных рубежей и размеров территории, заселенной алтайскими племенами. С.П. Швецов указывал на взаимосвязь этих проблем, когда отсутствие строго определенных границ у «инородческого района» не позволило ему формально зафиксировать пределы распространения коренного населения [8, с. 1].

Экспедиция 1908 г. имела в своем распоряжении уже более точные сведения о параметрах Горного Алтая: «громадное пространство, простирающееся от 49,41 до 52,31 северной широты и от 54 до 59 восточной долготы, занимающее площадь приблизительно 5.700 000 десятин» [1, л. 111], что свидетельствовало о накоплении к этому времени научных данных.

Физико-географическая характеристика региона представляла собой подробное описание рек, озер, ледников Горного Алтая. Результаты экспедиции показывали, что «Горный Алтай соответствует южной половине средней полосы Европейской России ... здесь могла бы развиваться культура самых ценных сельскохозяйственных растений» [1, л. 111 об.]. Однако особое место в итоговых материалах занимала оценка земельного фонда. Подробный анализ, основанный на произведенных расчетах применительно к отдельным местностям, был представлен в записках землеустроительных комиссий. Так, например, оценивая земельный фонд урочища Кош-Агача, проектированного на 630 душ, комиссия заключила, что «по предварительным вычислениям в нем насчитывается 169 377 десятин... из которой 15 244 удобной и 154 133 неудобной ... процент неудобной земли здесь достигает 91» [10, л. 10].

Территория Горного Алтая подразделялась на районы исходя из климатических особенностей и качества земельного фонда. Экспедицией 1897 г. были выделены пять районов: западный, левобережный, правобережный, черневой, чуйский. По результатам обследований начала XX в. их количество ограничилось тремя: северо-восточная / лесная; западная / горно-земледельческая и юго-восточная / высокогорная / скотоводческая части Алтая. В основе этого деления лежали не только

различия в физико-географических характеристиках местности, но и сложившиеся на их основе системы хозяйствования населения.

Одной из важнейших составляющих образа региона является характеристика населения. В анализируемых работах она получила достаточное освещение, так как являлась принципиальным аргументом в спорах о возможности проведения землеустройства в Горном Алтае.

С.П. Швецов выделил четыре основные группы населения: кочевые калмыки, оседлые инородцы различных управ, представители всех прочих сословий, живущих среди инородческого населения, т.е. крестьяне, мещане, переселенцы и киргизы [8, с. 34]. Работавшие в начале XX в. чиновники во многом вторили исследователю и при дифференциации жителей Горного Алтая выбирали в качестве критерия не уровень цивилизационного развития или конфессиональную принадлежность, а «характер быта», т.е. фактическую систему хозяйствования.

Довольно известный даже для рубежа XIX–XX столетий факт наличия в Горном Алтае конгломерата племенных групп приобрел для руководителей землеустроительных экспедиций особое значение, так как являлся весомым аргументом в противопоставлении возникшему в среде инородцев религиозно-политическому учению, пропагандировавшему мысль «о едином алтайском народе, которому и должен принадлежать весь Алтай» [1, л. 113 об.].

Пестрота этнического состава осложняла проблему определения прав собственности на земли региона. Так, участники 6-й землеустроительной партии 1912 г. отмечали, что аборигенное население на Чуе делилось на несколько групп: «...кроме коренного населения — теленгитов второй Чуйской волости, кочует значительное количество киргиз ... в арендаторском поселении Кош-Агач проживает до 30 хозяйств русских. Нельзя также обойти молчанием незначительный процент ... китайских подданных: соенцев и тюрбетцев» [10, л. 2]. В данном случае вопрос о причислении «инородческого» населения к категории оседлого приобретал важнейшее значение. В отличие от кочевника, хозяйственная жизнь которого требовала значительного объема территорий, оседлый земледелец пользовался относительно небольшим наделом. Следовательно, сама возможность и характер проведения землеустройства напрямую зависели от определения статуса алтайских племен.

Экспедиция С.П. Швецова сохранила за инородческим населением статус кочевников. Экспедиция 1908 г. по данному вопросу занимала иную позицию, считая кочевой быт инородцев скорее «маской» для сохранения привилегий на владения

землями Алтая. Чиновники отмечали, что «многие из них уже десятки лет живут в деревнях и селах, имеют чуть ли не каменные дома ... а числятся кочевыми инородцами» [1, л. 121]. Однозначную позицию по вопросу определения статуса «инородцев» Алтай занял В.П. Михайлов, подчеркнув, что коренное население Горного Алтая «должно быть признано по своему быту и формам хозяйства оседлым населением» [1, л. 290 об.]. Такой вывод начальник Алтайского округа обосновывал двумя аргументами: зимовки выступали средством «прикрепления» инородцев к земле, а процент кочующих алтайцев постоянно снижался, и «кочевки инородцев совершенно напоминают выезд сибирских крестьян летом на заимки, на отдаленные пашни и сенокосы» [1, л. 290 об.]. При этом враждебность автохтонного населения Алтая к планируемому землеустройству, многочисленные жалобы и ходатайства инородцев В.П. Михайлов объяснял не экономическими нуждами аборигенов, а стремлением родовой знати к сохранению собственных привилегий.

Родовой строй алтайских племен явился предметом особого внимания руководителей экспедиций 1908, 1910 гг. и оценивался ими как крайне негативное явление, характеризовавшееся в качестве «печального пережитка с сильным рабовладельческим оттенком», «отжившей формы жизни» [1, л. 118]. Доказательствами отмирания родового строя в среде автохтонного населения назывались запутанность и исчезновение сёоков, замену язычества единобожием, распространение идеи о единстве алтайского народа.

Портрет «инородца» выстраивался не через антропометрическое описание коренного населения, а через перечисление типовых характеристик национального характера, главными из которых чиновникам представлялись «бездействие», «леность». Участниками Первой землеустроительной партии 1912 г. подчеркивалось: «рыбное Телецкое озеро могло бы дать богатую пищу, но природная склонность «инородцев» к бездействию ... заставляют его отказаться от этого дара природы» [10, л. 14об.]. Другой пример лениности приводят исследователи 1908 г., указывая, что «отличие русского от инородца заключается в том, что летом, когда крестьянин работает, инородец целые два месяца занимается лишь „питьем араки“» [1, л. 122]. Безусловно, в этих высказываниях проявилась тенденциозность и поверхностность оценки жизни инородцев, порожденная некорректностью сравнения принципиально разных систем хозяйствования.

Проведенное на рубеже XIX–XX столетий масштабное изучение юго-восточных предгорий Алтая позволило собрать полезную для заинтересован-

ных сторон информацию по отдельным аспектам истории и социально-географическому состоянию региона. Ключевыми составляющими, из которых складывался образ региона, становились история освоения пространства, описание его физико-географических параметров и характеристика автохтонного населения. В общем виде руководителям экспедиционных команд Горный Алтай представлялся территорией, переживавшей распад

родового строя и готовой вступить на путь модернизации. Руководители экспедиций последовательно доказывали самостоятельный отказ инородцев от кочевого образа жизни и переход к оседлости. Безусловно, в выводах чиновников присутствовала некая степень тенденциозности и необъективности, продиктованная целями создания документов, что все же не снижает их ценности как самостоятельного исторического источника.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 468. — Оп. 27. — Д. 92.
2. Екеев М.Н. Социально-экономическое развитие Горного Алтая в конце XIX — первой трети XX вв.: до коллективизации : дис. ... канд. ист. наук. — Горно-Алтайск, 2007.
3. Пустогачева Т.С. Развитие торговли в Горном и Предгорном Алтае во второй половине XIX — начале XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. — Горно-Алтайск, 2000.
4. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). — Новосибирск, 1973.
5. Афанасьев П.А., Пожарская К.А., Разгон В.Н. Механизмы включения Горного Алтая в земельную политику государства и Кабинета в начале XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2014. — №4/2. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2–01.
6. Пожарская К.А. Историко-географический образ Горного Алтая в отчете начальника Алтайского округа В.П. Михайлова // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. — Барнаул, 2015.
7. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. — М., 2006.
8. Горный Алтай и его население / сост. С.П. Швецов. — Т. 1: Кочевники Горного Алтая. — Барнаул, 1900.
9. Стрелец К.Е. Образ автохтонного населения Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) на страницах региональной прессы второй половины XIX — начала XX в. // Известия Алтайского гос. ун-та. — 2015. — №4/2. DOI:10.14258/izvasu(2015)4.2–29.
10. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 27. — Д. 1481.